

Кусаинов Д. Ш., старший научный сотрудник НИИ, доктор философии (PhD),
майор полиции
(Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Одной из новелл нового Уголовно-процессуального кодекса РК является гл. 30 «Негласные следственные действия», регламентирующая процесс собирания доказательств оперативно-розыскными методами. Уголовно-процессуальная регламентация процесса проведения оперативно-розыскных мероприятий вызвана тем, что все действия, направленные на выявление, раскрытие и расследование уголовного правонарушения, должны регламентироваться уголовно-процессуальным законодательством.

Согласно ст. 111 УПК РК «Доказательствами по уголовному делу являются законно полученные фактические данные, на основе которых в определенном настоящем Кодексом порядке орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, суд устанавливают наличие или отсутствие деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Казахстан, совершение или несвершение этого деяния подозреваемым, обвиняемым или подсудимым, его виновность либо невиновность, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

В научном мире бытуют различные точки зрения, связанные с вопросами рассматриваемого нового института. Так, например, Б. Х. Толеубекова отмечает, что «оперативно-розыскная деятельность носит разведывательно-поисковый характер, и ее основной целью является получение первичной информации: о лицах, фактах, событиях и обстоятельствах, представляющих оперативный интерес; о признаках совершенных преступлений и лицах, их совершивших; о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, без вести пропавших гражданах и иных разыскиваемых лицах; о лицах, замышляющих, подготавливающих, совершающих и совершивших преступления, и т. п.»ⁱ. Подобного рода информация добывается путем проведения общих и специальных оперативно-розыскных мероприятий, регламентированных ст. 11 Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности»ⁱⁱ, и носит непроцессуальный характер, а полученные результаты не являются доказательствами. По мнению Б. Х. Толеубековой, это связано с тем, что источники и порядок получения информации не относятся к процессуальным, допустимым в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан.

В этой связи закономерно возникает ряд вопросов в части, связанной с процессуальными средствами трансформации оперативно-розыскной информации в доказательства. Причина этого, к примеру, в отдельных случаях — участие понятых, а в необходимых случаях — специалистов для признания достоверности информации о применении технических средств независимо от момента получения информации, в процессе проведения предварительного следствия или оперативно-розыскных мероприятий. В противном случае информация (фактические данные) не может быть признана в качестве доказательствⁱⁱⁱ.

С. К. Журсимбаев считает, что «фактические данные, непосредственно воспринятые при проведении оперативно-розыскных мероприятий сотрудником органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, могут быть использованы в качестве доказательств после допроса указанного сотрудника в качестве свидетеля. Фактические данные, непосредственно воспринятые лицом, оказывающим на конфиденциальной основе содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, могут быть использованы в качестве доказательств после допроса указанного лица в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого)»^{iv}.

Следует отметить, что при рассмотрении информации, полученной в результате проведения негласных следственных действий (или оперативно-розыскных мероприятий), необходимо соблюдать требования ст. 125 УПК РК «Оценка доказательств», согласно которым «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости,

допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

Однако при анализе требований ст. 237 УПК РК «Представление результатов негласных следственных действий» интерес вызывает следующее положение: «По завершении проведения негласного следственного действия все имеющие значение для дела материалы, полученные в ходе его проведения, с соблюдением конфиденциальности передаются сопроводительным письмом органу досудебного расследования». Следовательно, уполномоченный на проведение негласных следственных действий орган самостоятельно решает вопрос об объеме материалов (информации), предоставляемых органу досудебного расследования.

Таким образом, следователю (дознавателю) предоставляются данные, «... имеющие значение для дела ...» с точки зрения самого органа, проводившего негласные следственные действия (оперативно-розыскные мероприятия). При этом оперативные подразделения сами решают, какие сведения, «имеющие значение для дела», предоставить. Сложившаяся практика приводит к тому, что информация, которая может иметь значение для расследования уголовного дела, остается необнародованной и нереализованной. Такой порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий соблюдался в период действия Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. в ходе реализации положений Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» и осуществляется в настоящее время при проведении негласных следственных действий в рамках реализации положений нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 г.

Исследование результатов негласного следственного действия проводится органом досудебного расследования с соблюдением требований ст. ст. 47 и 124 УПК РК, при необходимости — с привлечением специалиста и соответствующего сотрудника, проводившего негласное следственное действие. О результатах исследования с соблюдением требований ст. ст. 47 и 199 УПК РК составляется протокол, в котором отражаются результаты проведенного негласного следственного действия.

Описанная процедура необходима, поскольку доказательства приобретают статус последних только после их облечения в предусмотренную уголовно-процессуальную форму. До этого момента речь можно вести лишь о доказательственной информации, которая может стать, а может не стать доказательством. Поэтому вся информация, полученная непроцессуальным способом, должна пройти проверку на относимость, допустимость и достоверность и только после этого трансформироваться в доказательства как самостоятельный источник.

Казахстанские ученые-юристы отмечают, что в сложившейся ситуации имеет место нарушение уголовно-процессуальной формы составления процессуального документа, заключающееся как раз в том, что следователь (дознаватель) составляет только протокол с фиксацией результатов проведенного негласного следственного действия. Отразить в протоколе сам ход следственного действия он в силу объективных причин не может, а, следовательно, в последующем не исключено, что результаты проведенного негласного следственного действия могут быть признаны недостоверными^v.

Во избежание данной ситуации в ч. 6 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Украины закреплено право следователя (прокурора) самому проводить негласные следственные (розыскные) действия. Кроме того, сохранено право поручить проведение указанных следственных действий сотрудникам оперативных подразделений. При этом решение о проведении негласных следственных (розыскных) действий принимает следователь, прокурор, а в случаях, предусмотренных УПК Украины, — следственный судья по ходатайству прокурора или следователя, согласованно с прокурором^{vi}.

Многие белорусские ученые-юристы считают, что материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, не всегда являются источниками доказательств. Результаты оперативно-розыскной деятельности, в силу своей специфики, не всегда могут иметь процессуальное значение и официально использоваться в уголовном судопроизводстве, что представляет большую проблему^{vii}.

Несмотря на активное сопротивление отечественных ученых-процессуалистов, отвергавших сближение оперативно-розыскной и следственной деятельности, практика

борьбы с преступностью и развитие теоретических знаний объективно ведут к их гармонизации. Тем более, что розыскная функция одновременно реализуется и в оперативно-розыскной, и в следственной деятельности. В свою очередь, слияние следственного и оперативно-розыскного законодательств заставило пересмотреть устоявшиеся взгляды на некоторые институты уголовно-процессуального права, расширив доказательственную базу путем использования в доказывании информации, полученной при производстве оперативно-розыскных мероприятий.

В заключение можно отметить, что по мнению большинства отечественных юристов, все действия, направленные на выявление, раскрытие и расследование преступления, должны регламентироваться уголовно-процессуальным законом. Такой позиции придерживается и законодатель Республики Казахстан, поэтому, в условиях реформирования отечественного уголовно-процессуального законодательства, регламентирована гл. 30 «Негласные следственные действия», которая, на наш взгляд, требует своей доработки по отдельным вопросам.

В статье 119 УПК РК «Протоколы процессуальных действий» сказано, что «доказательствами по уголовному делу являются фактические данные, содержащиеся в составленных в соответствии с правилами настоящего Кодекса протоколах следственных действий, удостоверяющих обстоятельства, непосредственно воспринятые лицом, ведущим уголовный процесс, ...». Собираание доказательств должно производиться в процессе досудебного производства и судебного разбирательства путем производства процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, а также предоставления информации, имеющей значение для дела государственными органами или должностными либо физическими лицами для последующего их использования в качестве доказательств.

По нашему мнению, во избежание вышеописанных обстоятельств необходимо внести изменения и дополнения в редакцию гл. 30 «Негласные следственные действия» действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Поскольку следователь, согласно ст. 60 УПК РК, все решения при производстве досудебного расследования принимает самостоятельно и несет полную ответственность за их законное и своевременное исполнение, необходимо предоставить ему право самостоятельно принимать решения о необходимости проведения негласных следственных действий, их характере, времени и сроках, самостоятельно проводить санкционирование принятых решений, а при необходимости — негласные следственные действия. В таком случае со стороны органа уголовного преследования не возникнет вопросов по поводу относимости, допустимости и достоверности добытых доказательств.

-
- ⁱ. Толеубекова Б.Х. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Общая часть: Академический курс. — Алматы, 2005.
  - ⁱⁱ. Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ (с изм. и доп. по состоянию на 07.11.2014 г.) // online.zakon.kz
  - ⁱⁱⁱ Толеубекова Б.Х. Указ. раб.
  - ^{iv}. Журсимбаев С.К. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Общая часть. Досудебное производство: Учебн. — Алматы, 2011.
  - ^v. Бачурин С.Н., Сыздыков К.Т., Ержанов Т.М. Критические замечания и предложения на проект Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства» (по вопросам оперативно-розыскной деятельности): Хабаршы — Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. — 2011. — № 4.
  - ^{vi}. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/page>
  - ^{vii}. Бибило В. Н. Проблемы правообразования: Избранные труды. — Минск, 2011; Войтихович С. А., Смирнов С. В. Актуальные проблемы использования видеозаписи в оперативно-розыскной деятельности // Борьба с преступностью: теория и практика: Мат-лы II междунар. науч.-практ. конф. — Могилев, 2014.